

Андрей Жилиховский: МУЗЫКА ВЫШЕ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ, ЕЕ КАЖДОДНЕВНОЙ СУЕТЫ

Молодой баритон Андрей Жилиховский завершает свой первый сезон в качестве штатного солиста Большого театра. До того были учеба в Санкт-Петербургской консерватории, два года работы в Михайловском театре, еще два – в Молодежной оперной программе Большого театра. Творческая биография только начинается. Но все, слышавшие его голос, заполняющий звенящей бронзой зал, видевшие словно выточенное резцом лицо с горящими глазами, почувствовавшие природный темперамент артиста, готовы верить – этому певцу предстоит значимая международная карьера

Татьяна ЕЛАТИНА

– Андрей, расскажите, пожалуйста, о том, как всё начиналось.

– Я родился в Молдове, в селе Хыртоп. Семья у нас большая, 11 братьев и сестер, я в самой середине, шестой по счету. Мой пapa, регент в местной баптистской церкви, взял меня на службу в шесть лет. Там я впервые попробовал петь, и это особое чувство, что вот такой маленький стою и пою среди взрослых, очень понравилось и запомнилось. У нас в семье все поют – и братья, и сестры, и тембрьи у всех ярко индивидуальные. Первый учитель в музыкальном колледже говорил: «Андрюша, хороший у тебя голос, а у твоего брата Гриши еще лучше!», но Гриша избрал иную дорогу, став священником.

– Не была ли религиозная семья против, когда вы решили стать оперным артистом?

– Хочу внести уточнение: моя семья не религиозная, а верующая. Религиозные каноны ставят барьеры и закрывают во многом от внешнего мира. А вера дает тебе свободу, но совесть остается главным критерием. Потому я человек верующий, а не религиозный. Дебаты о том, как и во что верить – это не мое.

– И когда же всё-таки открылось влечеие к пению?

– Музыку и пение любил всегда, сколько себя помню. В детстве учился игре на скрипке. Жили в деревне, третий дом с краю, 5 километров пешком до окопицы, потом – ловить попутку и 20 километров до райцентра, где была музыкальная школа. И так три раза в неделю, с 5 по 9 класс! Сейчас думаю, что своего ребенка не отпустил бы так мотаться. Кроме занятий скрипкой с учителем, у нас был молдавский народный оркестр, где всё играли по памяти, без нот. Конечно, скрипка развитию слуха очень помогла. Потом поступил в Кишиневский музыкальный колледж на дирижерско-хоровое отделение. На 4-м курсе в 19 лет начал заниматься вокалом. Через год поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию в класс Юрия Михайловича Марусина.

– А какая первая опера была услышана «живьем»?

– «Евгений Онегин» в Оперной студии консерватории. Мне так всё понравилось! Сильное впечатление. Особенно, что осенние листочки падали с березок как настоящие. Красота!

– Уже слышала про вас лестное выражение, в буквальном переводе с французского – «животное сцены». То есть особая правдивость сценического поведения, темперамент, ощущимый залом. Если музыкальность – от певучего молдавского фольклора и скрипки, то откуда такое актерское естество?

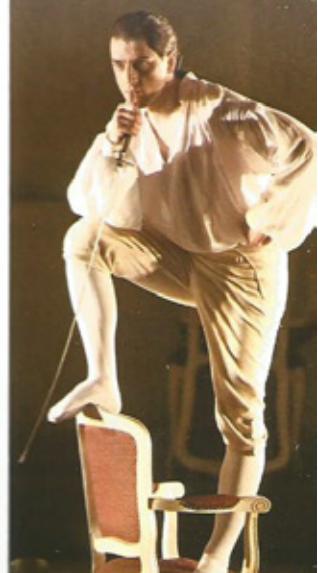
– Всё изнутри. Честно скажу, выходя на сцену, иногда забываю о задачах, поставленных режиссером. Куда и когда идти помню, но всегда переживаю как заново, по-настоящему. Потому и устаю сильнее коллег, не только вокально, а эмоционально, вернее, физически и психологически. Стараюсь зацепить в роли что-то свое, особое. Читаю литературный первоисточник, если таковой есть. А еще мне нравится смотреть серьезные фильмы и следить за хорошими актерами, что и как они делают в кадре.

– Есть фавориты из киноактеров?

– Не могу назвать. У каждого подмечаю что-то ценное, подходящее для себя. Но если говорить о любимых, то в опере ориентир для меня – Эttоре Бастинини. Люблю его голос, тембр: сочный, красивый, настоящий. Есть к чему стремиться, когда слушаешь!

▼ В роли Гульельмо («Ла-Сандре, или Поступают все женщины»). Фото Дамира Юсупова

— Еще один «побочный», но важный ваш талант — лингвистическая одаренность. Молдавский акцент — один из самых благозвучных для русского уха, но избавиться от него мало кому удается. В то, что вы начали изучать русский язык только в Санкт-Петербурге в 20 лет, поверила с трудом. Комplименты вашему произношению слышала и от немецкого, и от французского коучей Молодежной программы Большого театра. Про качественный итальянский язык молчу, само собой, он с молдавским одной романской группы. Это тоже семейный дар?

— Даже не знаю. Но чуть ли не половина братьев и сестер свободно говорят по-английски, чем я пока похвастать не могу. И вроде всерьез нигде не учили. Но стоит мне попасть в англоязычную среду — заговорю через полгода свободно, так же, как было и с русским. Отсутствием акцента, кстати, я обязан и преподавателю сценической речи из Санкт-Петербургской консерватории, пожилой драматической актрисе, которая на первом курсе занималась индивидуально и ставила русскую фонетику строго и тщательно.

— Андрей, у вас подкупдающий тип мужского обаяния. Привлекательность, сражающая наповал не только зрителей, но и партнерш, даже опытных, и вообще всех женщин любого возраста. И при этом в теплоте и галантности общения с дамским полом чувствуется черта, за которую и сами не переступите, и другим не позволите.

— Мой консерваторский шеф спрашивал: «Когда ты видишь красивую девушку, неужели не тянет к ней по-мужски?» Конечно, на красоту тянет! Но я же не собачка, чтобы идти на поводу у своих чувств. Мы должны контролировать свои мысли и поступки, мы ответственны за них. И за влечения своего сердца в том числе. Нельзя, чтобы сердце бежало перед тобой. Библейский царь Соломон говорил: «Тот, кто боится Бога — становится мудрым». Я понимаю, что если жить по заповедям Божиим, то это неудобно, особенно нам сейчас, в XXI веке. И многим всё время хочется, условно говоря, придумать велосипед — отступить от этих заповедей, поступать не как надо, а как хочется в данный момент. Но каждый раз они оказываются у разбитого корыта, разочарованные и в своих, и в чужих чувствах. Да, мне охранять свою личную и супружескую жизнь помогает Бог. Я боюсь поступить неправильно по отношению к нему. Когда любишь Бога, то не можешь предать или изменить своему родному человеку, твоей половине — жене. И ты не станешь, уважая по-человечески партнершу, делать ей гадости. Это меня держит, постараюсь сохранить верность семье до конца моих дней. Но, конечно, у каждого свой путь, и я никого не осуждаю, могу отвечать в этом плане только за себя.

— Но, надеюсь, и Дон Жуан, и прочие не слишком нравственные герои будут у вас в багаже?

— Для меня есть четкий барьер между актерской игрой и реальностью. На сцене — не я, а персонаж, когда спектакль окончен и лицо умыто от грима, вот тогда снова я настоящий.

— Современная режиссура испытывает моральные устои даже самых свободных артистов. Значит, для вас какие-то требования могут оказаться невыполнимыми?

— Очень сложный вопрос. Что делать, моя позиция не может нравиться всем. Я против пошлости на сцене. Любовь как страсть — это жизнь, и потому сценична.

Эмоции и чувства — да. Но есть граница. И я боюсь за неё очутиться. Совесть-то никуда не деть, она всегда при нас!

— При таком высоком понимании искусства удалось ли уже спеть что-то из духовной музыки?

— Да, «Мессию» Генделя, целиком всю ораторию. В концертах барочной музыки участвовал недавно. Знаете, я не считаю, что Бог только в Генделе или Бахе. Его присутствие ощущаю в любой красивой музыке. Мне как-то говорил наш молдавский классик, Евгений Дога, с которым имею счастье дружить: «Музыка уже существует во Вселенной, надо просто уметь ее взять оттуда и записать». Музыка выше обыденной жизни, ее каждодневной суеты, и потому я не выбираю жанр, а с радостью исполняю всё настоящее: и оперы, и романсы, и песни.

— Вам предстоит участие в заключительном концерте второго фестиваля «Опера Априори» 3 июня на сцене БЗК, посвященного 175-летию со дня рождения Чайковского. Есть ли что-то личное в отношении к Петру Ильичу?

— Из полностью спетых партий пока Евгений Онегин и Роберт в «Иоланте». Активно участвовал в проекте прошлого и позапрошлого сезонов «Все романсы Чайковского», подготовленного с Молодежной программой Большого театра Семеном Борисовичем Скигиным. Чайковский — гений, этим всё сказано. Можно не соглашаться с какими-то его мировоззренческими позициями, но его величие в музыке, интеллект и глубокое чувство реальности жизни, особенно в романсах, для меня непрекаемы.

— Но при том все певцы, как, впрочем, и инструменталисты, не устают повторять протесситурную неудобность его музыки.

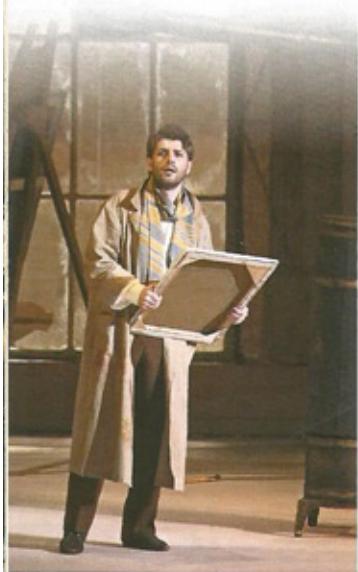
— Для нас, баритонов, неизвестно, что сложней исполнить — арию Елецкого или Роберта. Да, неудобно писать, часто на переходных нотах важные фразы, не думая про физиологию певцов. Но слушается-то как откровение!

— Как вы понимаете Онегина? Один баритон рассказал, как отталкивался от личного опыта — шестнадцатилетняя поклонница написала ему любовное письмо, увещевала девушку, почти цитируя Пушкина...

— У меня таких ситуаций, к счастью, не было пока. Онегин как персонаж мне слегка неприятен. Хотя и не осуждаю его. Просто он такой! В начале оперы абсолютно понимаю его поведение с Татьяной и эту отповедь: «Дорогая, боюсь тебя ранить, но не люблю, не для тебя я». А вот в finale, когда прошло время, и девушка в новом имидже показалась привлекательной, — сложнее, но тоже можно понять человека.

— Означает ли это, что интересней образы, близкие вашему душевному складу или, напротив, противоположные, чтобы искать что-то новое, чуть ли не ломать свое «я»?

— Мне и так, и так интересно! Перебороть свои страхи и неумения — это здорово. Если чего-то не знаю, значит, надо

С Александрой

Пахмутовой и

Дмитрием Вдовиным

В роли Марселя

▼
«Богема»). Фото
Дамира Юсупова

научиться. Конечно, ближе темпераментные, действенные герои – рвать страсти в клочья на сцене. Вот совсем недавно в Санкт-Петербурге состоялось концертное исполнение «Севильского цирюльника». Альмавиву блистательно пел Дмитрий Корчак. И у нас спонтанно получился ансамбль, почувствовали друг друга, просто зажигали зал! Да, искрометный Фигаро актерски для меня легче, чем Онегин. Я сам достаточно легкий, позитивный человек.

– Баритоны в плане амплуа – самые счастливые. Кроме романтических героев и плутов они и благородные страдающие отцы, и отъявленные злодеи вроде Скарпии или Яго. А в этом «кriminalном» направлении на будущее себя видите?

– Думаю, быть злым на сцене несложно. Сложнее достоверно играть комедию. Вот сейчас у нас в самом разгаре сценические репетиции «Свадьбы Фигаро» Моцарта. Я играю Графа Альмавиву. Работать очень интересно. Постановщик – драматический актер и режиссер Евгений Писарев. Свободный и простой в общении, талантливый и толковый во всех своих пожеланиях и объяснениях. Притом что Писарев не музыкант, он очень точно чувствует сценическую ситуацию и ставит именно комедию. Но он от нас требует не смешить, а играть на полном серьезе, переживать и нервничать в образе, тогда действительно может получиться весело.

– Как написано в подзаголовке другой великой оперы Моцарта «Дон Жуан», *dramma giocoso* – веселая, точнее, игравая драма. «Свадьба Фигаро» – вторая ваша моцартовская работа. В прошлом сезоне состоялась одна из лучших, на мой взгляд, премьер Большого театра за последние годы – «Così fan tutte», где Гульельмо Жилиховского не просто зажигал, а пленял и красотой пения, и страстью ревнивого итальянца, и ловкостью почти каскадерских мизансцен, и владением шлагой.

– С нами много занимались движением и фехтованием, но половина достигнутого – плод моих личных усилий. Позу нам ставили, но если не вкладывать в это свои мысли и эмоции, получится мёртво. Умением двигаться на сцене обязан и преподавательница танца из Санкт-Петербургской консерватории, бывшей балерине Мариинского театра. Как я ненавидел все четверги, когда в расписании был предмет «танец»! Мучила нас эта достойная дама нещадно. «Андрюшенька, ты думаешь, я не вижу, как тебе и всем другим сложно? Но если начну вас жалеть, потом так и останетесь на сцене неуклюжими медвежатами!». Получается, что страдал тогда у балетного станка не зря. Уже здесь, в Большом театре, много ценного нам дает педагог по движению Юрий Викторович Папко.

– Давайте сравним моцартовские образы Гульельмо и Графа.

– Гульельмо совсем молодой человек, горячая кровь, чувства опережают рассудок. Неопытный, учится на сво-

их ошибках. Возраст Графа Альмавивы не вполне ясен – может быть и молод, а, возможно, и ближе к зрелости. Но и он учится на своих ошибках! Граф очень быстро меняет настроение, потому что окружающие так и норовят его обвести вокруг пальца. И в то же время он пытается руководить всем и бывает жестким, даже жестоким. Но в результате обманутым-то остается именно Граф! Так что образ неоднозначный и потому интересный.

– О каких партиях в ближайшем будущем думаете?

– Надеюсь, в следующем сезоне спло Малатесту в «Дон Паскуале» Доницетти. Очень красиво, прямо для моего голоса написанная партия, и плутоватый доктор Малатеста мне близок. Есть множество ролей, о которых мечтаю, хватило бы на всё здоровья и умения.

– Сейчас продолжаете заниматься с педагогом?

– Да, естественно. Это Дмитрий Юрьевич Вдовин. Он хороший человек и очень понятен, подходит мне как педагог. У него отличное ухо, чувствующее все нюансы моего вокала.

– Как происходит у вас первое черновое знакомство с новым произведением?

– Считаю, что приходить в класс к пианисту и пытаться читать с листа – неуважение к концертмейстеру, к его времени. Поэтому сначала учу ноты один, сам. Всё же не зря оканчивал дирижерско-хоровое отделение. И лишь потом доделываем музыкально и «впеваем» совместно с пианистом и педагогом, и если надо – с коучем по языку.

– Планируете ли продолжать работать с камерным репертуаром?

– Просто обожаю камерную музыку! Романсы Чайковского постоянно у меня в готовности, в апреле вместе с коллегами будем их исполнять в Доме музыки. И еще очень люблю песенную лирику. Горжусь личным знакомством с Александрой Николаевной Пахмутовой. Она специально для меня переоркестровала дивную песню «Праздник любви» на слова ее супруга Николая Николаевича Добронравова. Удивительные, редкие люди! Они вместе уже более полувека и всё так же влюблены друг в друга, и окружающим дарят свет и сердечное тепло.

– Как проводите свой досуг, чем-то увлекаетесь помимо оперы?

– Я по-настоящему увлечен своей семьей. Нравится и умею готовить, даже из теста – этому еще в детстве научила мама. Могу вне кулинарных рецептов сочинить вкусный ужин из запасов в холодильнике, если неохота идти в магазин. Но сейчас каждую свободную минуту посвящаю сыну. Ему два с половиной года, такой чудесный возраст, каждый день делаем совместные открытия и делимся взаимной нежностью. Наверное, нескладно так говорить, но сын, который настолько быстро растет, что с трудом успеваю наблюдать за ним, для меня – лучшее хобби.

– Вы мечтали бы и для него о вокальной карьере?

– Не знаю. Пока слишком рано говорить об этом. Но когда я распеваюсь дома или жена включает музыку, он ходит и повторяет звуки и фразы комически точно.

– Жена у вас тоже музыкант?

– К счастью, нет! Я не выбирал ее, это мне подарок свыше. И если бы искал, лучше бы не нашел. Считаю, что у каждого человека есть в жизни одна – единственная большая любовь. Кто-то находит ее раньше, кто-то позже. Иные так и маются в поисках половины всю жизнь. Мне повезло сразу найти Ее. Благодарен Богу за нашу встречу.

▲ В роли Фонарщика (*«История Кая и Герды»*). Фото Дамири Юсупова

◀ С Дмитрием Вдовин

